



С. Иванов, К. Голованов

Ф.Ф. БЕЛЛИНСТАУЗЕН

Географиз • 1952

С. ИВАНОВ, К. ГОЛОВАНОВ

Ф. Ф. БЕЛЛИНСГАУЗЕН

*Под редакцией
А. И. Соловьева*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—1952

Очерк С. Иванова, К. Голованова «Ф. Ф. Беллинсгаузен» входит в серию популярных очерков о замечательных русских путешественниках. В научной редакции серии принимают участие: член-корр. Академии наук СССР Н. Н. Баранский, доктор географических наук М. С. Боднарский, доктор географических наук Э. М. Мурзаев, профессор К. А. Салищев, член-корр. Академии педагогических наук РСФСР А. И. Соловьев.



Солнечным майским днем 1819 года на фрегат «Флора», стоявший в Севастопольской бухте, прибыл го-нец из Петербурга. Усталый, в мундире, густо припуд-ренным дорожной пылью, он ступил на палубу военного корабля, сверкавшую белизной тщательно выскобленного дерева, блеском свежерафинированной медяшки.

В руках он держал пакет с пятью сургучными печатями, который вручил командиру фрегата капитану 2-го ранга Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену. Пакет был от морского министра.

«Объявив приказание императора Александра I вице-адмиралу Грейгу о немедленном отправлении Вас в С.-Петербург, уведомляю о сём и Вас, — писал министр, — оставаясь уверенным, что Вы поспешите прибытием сюда, для принятия некоторых поручений...» *

На палубе раздавались торопливые шаги, четкая команда, стук топоров. Подготовка к плаванию подходила к концу.

«Как оставить фрегат, — думал Беллинсгаузен, — когда предстоит выполнить ответственное задание командующего флотом — точно определить географическое положение всех приметных мест на берегах Черного моря

* Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в 1819, 1820 и 1821 годах. М., 1949, стр. 35. Выдержки из описаний Ф. Ф. Беллинсгаузена приводятся далее по этому изданию.

и нанести их на карту? Кому сейчас поручат это важное дело? И зачем вызывают в Петербург? Может быть, готовится новый дальний вояж?»

Действительно, дело шло о первой русской антарктической экспедиции для поисков суши в южных полярных морях. Успешные путешествия И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головнина, М. П. Лазарева, О. Е. Коцебу и других завершились замечательными географическими открытиями и исследованиями в Мировом океане. Однако огромные пространства к югу от трех океанов (Тихого, Индийского и Атлантического), известные тогда под общим названием Южного Ледовитого океана, оставались еще неизученными.

С древнейших времен существовала легенда о том, что у Южного полюса расположена обширная суша «*Terra Australis incognita*» (неведомая Южная земля). Южная земля была нанесена еще на карте мира Клавдия Птолемея (II в. н. э.) в виде суши, соединяющей Азию и Африку. В 1595 г. португальский ученый и картограф Гергард Меркатор нанес южный материк на свою карту. Многие иностранные экспедиции пытались открыть эту загадочную землю. Путешествия голландцев Виллема Янсуона (1606 г.) и Абеля Тасмана (1642—1644 гг.) обнаружили в южных широтах обширный материк Австралии и ряд островов, но не разрешили загадку о Южной земле. Попыткам обнаружить южный материк были посвящены также два путешествия английского мореплавателя Джемса Кука (1768—1771 и 1772—1775 гг.). Правда, научные цели его экспедиций были лишь предлогом для реализации захватнических устремлений британского капитализма. Это вынужден признать и современный английский географ Дж. Бейкер:

«...Наблюдение над прохождением Венеры было лишь ширмой для путешествия, конкретной целью которого было открытие южного континента и присоединение новых территорий к Британской империи».

Во время второго путешествия Кук 80 дней провел среди льдов, сделал три попытки пробиться южнее полярного круга, но признаков материка не обнаружил. Он самонадеянно заявил:

«Я обошел океан южного полушария на высоких широтах и отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ

полюса в местах, не доступных для плавания... Я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы...»

Утверждение Кука английские и французские ученые восприняли как непреложную истину и были убеждены в том, что дальнейшие поиски южного материка бесполезны.

Однако русские мореплаватели и ученые усомнились в достоверности утверждений «непогрешимого» Кука и выдвинули веские соображения о вероятности существования южного материка.

«...Чрезвычайное множество находимого в странах Южного полюса льда простирается на 10° далее к северу, нежели лед Северного полюса к югу и... происхождение его быть может только от великой матерой [материковой] земли, находящейся в близости Южного полюса*», — писал, например, И. Ф. Крузенштерн.

Примечательно, что идея организации антарктической экспедиции возникла одновременно у нескольких наиболее выдающихся русских ученых и мореплавателей — Г. А. Сарычева, И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина и О. Е. Коцебу.

Потребовалось много усилий, чтобы добиться согласия правительства снарядить такую экспедицию на государственные средства**.

Составление проекта экспедиции поручили Крузенштерну и известному гидрографу вице-адмиралу Сарычеву. Начальником экспедиции, по предложению авторитетных моряков, был назначен Ф. Ф. Беллинсгаузен.

«Наш флот, конечно, богат предприимчивыми и искусными офицерами, — писал Крузенштерн, — однако из всех тех, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравняться с Беллинсгаузенем».

Широко образованный офицер и искусный моряк, Ф. Ф. Беллинсгаузен был хорошо подготовлен к выполнению ответственного задания.

* Цитируется по книге А. В. Соколова и Е. Г. Кушнарера «Три кругосветных плавания М. П. Лазарева». М., 1951, стр. 79.

** Одновременно снаряжалась научная экспедиция в арктические моря в составе шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием капитан-лейтенанта М. Н. Васильева.

23 мая (ст. ст.) 1819 года Беллинсгаузен поднял свой брейд-вымпел * на шлюпе «Восток» — флагманском корабле экспедиции.

* * *

Беллинсгаузен родился близ города Курессаре (Аренсбург) на острове Сарема (Эзель) в 1779 году 18 августа и с самого раннего детства мечтал стать моряком. Десяти лет он поступил в Морской кадетский корпус, славившийся подготовкой высокообразованных военных моряков. Великий русский флотоводец Ф. Ф. Ушаков и первые русские кругосветные мореплаватели И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский были воспитанниками Морского корпуса. Юноши приобретали в нем обширные знания по математике, астрономии, навигации, гидрографии и другим, важным для моряков, дисциплинам, а также большую практическую подготовку в плаваниях под руководством опытных офицеров.

Беллинсгаузен учился хорошо, особенно выделяясь среди товарищей своими успехами по навигации и мореходной астрономии.

После производства в гардемарины, в 1796 году молодой моряк совершил плавание к берегам Англии на транспортном судне «Александр». Ознакомившись с порядками в английском королевском флоте, Беллинсгаузен вскоре убедился, что хваленый флот «владычицы морей» далеко не такой образцовый, как его изображают англичане. Глубокое возмущение вызвала у него варварская жестокость английских офицеров в обращении с матросами.

В 1797 году Ф. Ф. Беллинсгаузен получил первый офицерский чин — мичмана и был назначен на корабль Ревельской эскадры Балтийского флота. Командующий флотом вице-адмирал П. И. Ханыков скоро обратил внимание на образцовую службу молодого офицера и рекомендовал его И. Ф. Крузенштерну на корабль «Надежда» для участия в первой русской кругосветной экспедиции в 1803 году.

Крузенштерн высоко оценил своего подчиненного и в «Предуведомлении» к описанию кругосветного путешествия писал:

* Брейд-вымпел — флаг командующего отрядом судов, в данном случае начальника дивизии кораблей.

«Все почти карты рисованы сим последним искусным офицером, который в то же время являет в себе способность хорошего гидрографа; он же составил и генеральную карту».

В 1806 году, возвратившись из кругосветного плавания и получив чин капитан-лейтенанта, Беллинсгаузен назначается на Балтийское море командиром фрегата. С 1810 года он командует различными кораблями на Черном море.

Во время плаваний вдоль Черноморского побережья Беллинсгаузен часто замечал неточности на карте «у берегов Абхазских, Мингрельских и Гурийских» и летом 1816 года составил карту, «дабы обеспечить у оных берегов частое плавание судов». Чиновники из Депо карт Черноморского флота послали жалобу на Беллинсгаузена, указывая, что их карты утверждены самим Адмиралтейским департаментом, на что Беллинсгаузен едко ответил:

«Сочинить карту можно в Департаменте, но утвердить, доказать верность оной, не иначе как можно токмо опытами».

В рапорте командующему Черноморским флотом Беллинсгаузен докладывал, что широты основных пунктов для своей карты он определил из астрономических наблюдений с берега, долготы же — по хронометру.

Последующие определения других мореплавателей подтвердили правоту Ф. Ф. Беллинсгаузена, и слава о нем как об отличном гидрографе пошла по всему флоту.

* *
*

Беллинсгаузен с большим удовлетворением принял назначение на шлюп «Восток» и стал энергично руководить подготовкой к плаванию. Нужно было спешить, ибо реакционеры из Морского министерства во главе с де-Траверсе, французским авантюристом на русской службе, безответственно отнеслись к снаряжению экспедиции. О степени их внимания к столь ответственному предприятию свидетельствует хотя бы тот факт, что начальник экспедиции был назначен едва ли не в последнюю очередь, в силу чего был лишен возможности сам подобрать офицерский состав. Он смог взять своим помощником лишь старого сослуживца по фрегату «Флора» капитан-лейтенанта И. И. Завадовского.

Хорошо, что комплектованием участников экспедиции с успехом занимался назначенный раньше Беллинсгаузена командир второго корабля — шлюпа «Мирный» лейтенант М. П. Лазарев, прекрасный моряк, уже совершивший одно кругосветное плавание.

Желающих было много. Но М. П. Лазарев, основываясь на своем опыте, сумел подобрать наиболее способных и знающих офицеров. Например, лейтенант Константин Петрович Торсон, принятый на шлюп «Восток», трижды отличался в морских сражениях и имел опыт самостоятельного командования кораблем. Во время Отечественной войны 1812 года он служил на Балтийском море. Однажды, у порта Ливава, выполняя задание командира на гребном катере, К. П. Торсон попал под обстрел вражеской артиллерии. Он получил ранение в ногу, но продолжал управлять катером и вывел его из опасной зоны.

Очень внимательно отнесся М. П. Лазарев и к подбору матросов. Он беседовал с каждым кандидатом, проверял ловкость, выносливость, отдавая предпочтение тем, которые имели знания какой-либо кораблестроительной специальности.

Руководители экспедиции подбирали в состав ее участников только русских людей, предпочитая их любым иностранцам.

В подготовке экспедиции участвовали научные учреждения России: Казанский университет направил в Южные моря профессора астрономии И. М. Симонова, Академия художеств — опытного живописца П. Н. Михайлова.

Лишь правящая верхушка продолжала оставаться равнодушной к этому смелому предприятию.

Шлюпы «Восток» и «Мирный» были мало приспособлены к длительному антарктическому походу.

Шлюп «Восток», трехмачтовый корабль, водоизмещением в 450 тонн, построенный из сырого соснового леса, не имел дополнительных усиленных креплений корпуса. Бросался в глаза необычайной величины рангоут (мачты, реи и пр.); ненадежной была верхняя часть руля — румпель, что могло привести корабль к потере управления.

«Восток» строился англичанином В. Стоке, который с нерадением относился к своему делу. Беллинсгаузен резко отзывался об этом безответственном мастере и о



*Фаддей Фаддеевич
Беллинсгаузен*

тех, кто разрешал ему выпускать недоброкачественные корабли.

Шлюп «Мирный», построенный русскими кораблестроителями, отличался большей вместительностью (его водоизмещение 530 тонн) и хорошими мореходными качествами, но «Мирный» не имел такой скорости и маневренности, как «Восток». Несоответствие мореходных качеств кораблей и в наши дни при совместном плавании создает дополнительные трудности, а в эпоху парусного флота это имело куда большее значение.

М. П. Лазарев в письме к другу выражал впоследствии свое недоумение по этому поводу:

«Но для чего посланы были суда, которые должны всегда держаться вместе, а, между прочим, такое неравенство в ходу! Что один должен беспрестанно нести все лисели и через то натруждать рангоут, пока спутник его несет паруса весьма малые и дожидается? Эту загадку предоставляю тебе самому отгадать, а я не знаю».

«Загадка» эта объяснялась бездарностью и халатным отношением к своим обязанностям морского министра де-Траверсе, который при попустительстве правительства Александра I привел военный флот к упадку.

Беллинсгаузен и Лазарев сделали все от них зависящее, чтобы лучше оснастить шлюпы и снабдить экспедицию всем необходимым.

Подводная часть «Востока» была скреплена и сваружа обшита медью. На «Мирном» поставили вторую обшивку, добавочные крепления корпуса, более прочный такелаж, сосновый руль заменили дубовым.

Были сделаны запасы противочумных средств (хвойная эссенция, кислая капуста и др.). В пути предписывалось заготавливать свежие фрукты. Начальник экспедиции составил инструкции о порядке содержания жилых помещений на корабле, о мытье людей, чистоте коек и белья. Требуя строгого выполнения инструкций, Беллинсгаузен следовал славной традиции русских моряков, считавших позором потерю людей от болезней. Профилактические меры, принятые Беллинсгаузеном, оказались весьма эффективными. Несмотря на суровые климатические условия плавания, серьезных заболеваний среди моряков не было.

Руководители экспедиции позаботились и о том, чтобы на каждом корабле имелась хорошая библиотека

с описаниями морских путешествий, морскими календарями, ежегодниками, небесными атласами, лоциями, сочинениями по геодезии, астрономии, навигации, земному магнетизму и др.

Инструкции, полученные Беллинсгаузенем, ставили перед начальником экспедиции задачу обнаружить антарктический материк. Они требовали:

«Итти там к северу, где Кук шел к югу, итти к югу там, где Кук шел к северу».

Охватывая различные области человеческого знания и морской практики, инструкции всемерно подчеркивали научные задачи экспедиции, предписывали гуманное и благожелательное отношение к коренному населению посещаемых кораблями земель, требовали высоко нести честь и достоинство русского флага.

Принимавший участие в составлении инструкций замечательный русский исследователь и ученый Иван Федорович Крузенштерн обобщил в них весь опыт «дальних вояжей» и сложившиеся к этому времени славные прогрессивные традиции русской науки. Он был твердо уверен, что моряки русского флота способны успешно решить самые сложные задачи.

* * *

4 июля 1819 года все приготовления были закончены, и в 6 часов вечера отряд Беллинсгаузена в составе шлюпов «Восток» и «Мирный» снялся с Кронштадтского рейда. Отсалютовав крепости, корабли прибавили парусов, и скоро родные берега скрылись за горизонтом.

В море командиры шлюпов с первых же дней плавания начали проводить учения по морской практике. Нужно было дать возможность матросам привыкнуть к новым кораблям, офицерам — изучить мореходные качества шлюпов. Как опытные моряки Беллинсгаузен и Лазарев прекрасно понимали, что от слаженной работы всего экипажа, от быстрой и четкой постановки парусов будет зависеть очень многое в суровых условиях полярных морей.

Через десять дней отряд стал на якорь в Копенгагене, где по предписанию царя Беллинсгаузен должен был взять на борт двух немецких натуралистов — Мертенсе и

Кунце. Еще в Петербурге он безуспешно пытался протестовать против этого нелепого распоряжения, указывая, что в России имеется достаточно своих ученых, которые сочли бы за большую честь участвовать в экспедиции, предпринимаемой во славу русской науки.

В Дании же оказалось, что иностранные ученые, испугавшись трудностей, отказались от участия в плавании. Таким образом, антарктическая экспедиция осталась без натуралистов.

Впоследствии Беллинсгаузен не раз указывал на этот важный пробел в подготовке экспедиции и с горечью замечал, что было бы куда больше пользы для науки, если бы он взял с собой хотя бы двух русских студентов.

После непродолжительной стоянки у берегов Англии шлюпы направились к Канарским островам и 15 сентября бросили якорь у города Санта-Крус (на острове Тенериф), где 16 лет назад стояли на якоре корабли первой русской кругосветной экспедиции Крузенштерна. Во время стоянки Беллинсгаузен проводил тщательную подготовку к плаванию в высоких широтах. Астроном Симонov занимался проверкой хронометров на берегу, а офицеры — изучением всех имеющихся данных, относящихся к будущему району исследовательских работ.

Через 4 дня корабли направились в Рио-де-Жанейро — исходному пункту, откуда экспедиция должна была начать свои изыскания.

Беллинсгаузен требовал от офицеров не только безусловного знания всех мореходных пособий, но и критического отношения к ним, особенно к иностранным, и сам подавал в этом пример, лично исправив ошибку французских мореплавателей, которые в 1796 году нанесли на карту мель в точке $4^{\circ}52'30''$ с. ш. и $20^{\circ}30'$ з. д. В действительности этой мели не существовало, и корабли благополучно прошли над этим местом, не достав дна на глубине 30 метров.

Прекрасная погода давала возможность заниматься астрономическими наблюдениями. Шла тщательная проверка секстанов*.

2 ноября шлюпы «Восток» и «Мирный» подошли к Рио-де-Жанейро и встали на якорь возле Крысьего (Фискального) острова. Моряки радостно встретили

* Секстан — прибор для определения высоты небесных светил.

прибывшие сюда днем раньше шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием капитана Васильева, направлявшиеся к Берингову проливу и в арктические воды.

В Рио-де-Жанейро необходимо было произвести последние приготовления перед отправлением в Антарктику, где предстояло выдержать тягчайшие испытания и людям и кораблям. Экипажи судов приводили в порядок парусное вооружение, такелаж, проверяли обшивку и корпус шлюпов.

На острове Крысьем Симонов устроил походную астрономическую обсерваторию и переселился туда на несколько дней вместе со своими помощниками — гардемаринном Адамсом и артиллерии унтер-офицером Корнильевым.

«Сии наблюдения для нас были весьма важными, — писал впоследствии Симонов, — ибо на них должны быть основаны все прочие, которые мы готовились делать в продолжение плавания нашего у южных льдов».

Начальник экспедиции выбрал время для изучения и подробного описания города и залива. Знакомясь с городом, русские моряки увидели невольничий рынок.

«Осмотр, продажа... — писал Беллинсгаузен, — и, наконец, варварское управление плетью или тростью, все сие производит омерзение...»

«Зрелище сие и участь сих несчастных возбудили в нас живейшее сострадание... Невольно сжимались кулаки», — свидетельствовал в своих воспоминаниях и лейтенант А. П. Лазарев*.

Весьма примечательно, что большинство русских мореплавателей — И. Ф. Крузенштерн, В. М. Головнин, С. Я. Унковский, М. И. Ратманов и многие другие в описаниях своих путешествий или воспоминаниях также высказывали возмущение торговлей людьми.

Утром 22 ноября шлюпы вышли из Рио-де-Жанейро. Начался тяжелый путь изысканий и открытий. Беллинсгаузен неутомимо работал. Он настойчиво искал наиболее верные средства для решения поставленной задачи.

* Лейтенант Алексей Петрович Лазарев, брат М. П. Лазарева, офицер шлюпа «Благонамеренный», стоявшего на якоре в Рио-де-Жанейро.

Плавание осложнялось тем, что карты того времени не всегда точно отражали настоящее положение береговой линии, островов, мелей, подводных камней и рифов. Приходилось все проверять, сверять и итти ощупью по неведомым морским просторам в район, обозначенный на карте «белым пятном».

Пройдя 45-ю параллель, шлюпы должны были увидеть остров Гранде, «открытый» французом Ла-Рош в 1675 году, но острова не оказалось, и Беллинсгаузен пришел к выводу, что французский мореплаватель допустил ошибку в счислении.

По мере движения на юг температура заметно понижалась, чувствовалось влияние холодных масс воздуха, идущих из Антарктики. На пути попадались различные птицы (альбатросы, пеструшки и др.), плавало много морской травы. Экспедиция подходила к острову Южная Георгия. Недалеко от него обнаружили небольшой остров, названный именем участника экспедиции Анненкова. А через несколько дней мореплаватели открыли неизвестный ранее архипелаг, островам которого были даны имена русских офицеров: Завадовского, Лескова и Торсона.

Отсюда корабли направились на юг к «Земле Сандвича». По пути непрерывно проводились научные исследования. За кормой шлюпов в воду были опущены специальные сети для «ловли морских животных». Посредством изготовленного на корабле батометра брались пробы воды с различных глубин. У острова Завадовского батометр был опущен на глубину 402 метра. Поднятая в нем вода оказалась большего удельного веса, чем вода на поверхности, большей солености и имела более низкую температуру — 1° Реомюра. Беллинсгаузен правильно предполагал, что температура воды на такой глубине могла быть и ниже.

В точке 56°15' ю. ш. и 32°25' з. д. пытались определить глубину океана, но лотинь не достал дна. В то время еще не было технических средств для измерения больших глубин.

30 декабря шлюпы подошли к «Земле Сандвича», открытой Куком, полагавшим, что это один остров. Беллинсгаузен и Лазарев обнаружили здесь целую группу островов и назвали ее Южными Сандвичевыми островами.

Новый 1820 год мореплаватели встречали в суровых условиях полярных широт. Путь корабля преграждали ледяные громады — айсберги. Дальнейшее плавание на юг было сопряжено с большим риском.

«Мы скитались во мраке туманов, — писал Симон, — между бесчисленным множеством огромных плавающих льдин, беспрестанно в страхе быть раздробленными сими громадами, простирающимися иногда до 300 футов в высоту над поверхностью моря. Хлад, снег, сырость, частые и жестокие бури беспрестанно нам сопутствовали в местах сих».

Не видя возможности пробиться сквозь льды, Беллинсгаузен решил обогнуть Сандвичевы острова и искать путь севернее кромки льда.

16 (28) января 1820 года экспедиция достигла $69^{\circ}21'28''$ ю. ш. и $2^{\circ}14'50''$ з. д. С востока на запад по всему горизонту тянулась широкая светлая полоса неподвижных льдов. Дул крепкий юго-восточный ветер. Ртутный столбик барометра угрожающе опускался, предвещая ухудшение погоды. Над шлюпами летали буревестники. Иногда корабли подходили столь близко к льдам, что слышались крики пингвинов. Беллинсгаузен отметил в вахтенном журнале признаки близости суши.

Корабельные документы свидетельствовали (как потом стало известно), что «Восток» и «Мирный» находились всего в 20 милях от Антарктического материка. Этот день, 16 (28) января 1820 года, считается датой одного из величайших географических открытий — открытия последнего, шестого, континента.

Оставаться вблизи неподвижных льдов под парусами или ложиться в дрейф было одинаково опасно, и корабли повернули на север.

Обогнув льды, Беллинсгаузен и Лазарев снова решили идти на юг и 21 января мореплаватели вновь подошли к материку, на расстояние 30 миль.

«Обозревая пространство сего поля на восток, юг и запад, мы не могли видеть пределов оногo, — отмечал начальник экспедиции. — Конечно, [оно] было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 генваря, но по причине мрачности и снега хорошенько рассмотреть не могли».

Продолжать плавание дальше на юг было невозможно. Корабли пошли на северо-восток, затем на



Заготовка льда для питьевой воды.
По рисунку с натуры художника П. Михайлова.

восток. Когда же ветер переменился, снова был взят курс на юг.

Постоянные снегопады и туманы затрудняли плавание. Плохая видимость таила опасность столкновения с плавающими льдинами. Деревянные шлюпы не имели достаточной прочности, чтобы выдержать удар о ледяной «остров».

«Лейтенант Лазарев между прочим донес мне, — писал Беллинсгаузен, — что... когда проходил в тесноте между полями льдов и мелкими плавающими льдинами, шлюп набежал на довольно большую низменную льдину и ударился так сильно, что все выбежали наверх. Последствием сего удара было, что у форштевня под водою выломило греф около четырех футов длиною и в один фут толщиною. Таковой удар, вероятно, устршит и самых смелых».

Но и это не устршило отважных моряков. Они твердо решили добиться успеха в наиболее короткий срок, с тем, чтобы не оставаться во льдах во время наступающего

равноденствия. В это время здесь бывают жестокие штормы.

5 февраля экспедиция в третий раз близко подошла к Антарктиде. В донесении из Порт-Джаксона Беллинсгаузен писал:

«Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу».

Над кораблем появился поморник — птица, далеко в открытом море не встречающаяся, и Беллинсгаузен тщательно заносит это в вахтенный журнал как еще одно подтверждение правильности своих выводов о близости суши.

Сурово принимали русских моряков южные полярные моря. Небо было плотно затянуто облаками, снег шел густыми мокрыми хлопьями. Он покрывал толстым слоем паруса и снасти, превращался в лед. Пронизывающий холодный ветер разводил волну. Матросы, измученные многодневными переходами, скалывали лед. Беллинсгаузен, стоя на баке корабля, внимательно вглядывался в темноту, готовый в любой момент притти на помощь вахтенному офицеру.

Проходили дни. Полярные штормы сменялись снегопадами. Изредка небо очищалось от туч, но через несколько часов они снова закрывали небосклон, казалось, нависая над самыми мачтами корабля. Беллинсгаузен и Лазарев не знали усталости. Их непоколебимая воля, упорство в достижении цели сплачивали экипажи, помогали преодолевать трудности.

Несмотря на большую разницу в воинских званиях, между ними установились теплые дружеские отношения. Беллинсгаузен очень ценил всегда продуманные и обоснованные суждения Лазарева. Особенно высоко ставил Беллинсгаузен морское искусство Михаила Петровича, благодаря которому ни в штормовую погоду, ни при плохой видимости, ни в сложной ледовой обстановке Антарктики шлюпы, несмотря на различные мореходные качества, ни разу не разлучались. В рапорте морскому министру из Рио-де-Жанейро Беллинсгаузен особо подчеркивал, что этому «...в истории путешествий как иностранных, так и отечественных примера до сего времени не было».

Суровые дни походной жизни, бессонные ночи, постоянно грозившая опасность столкновения со льдами не заслоняли от Беллинсгаузена заботу о подчиненных ему людях. Он сам следил за чистотой на палубах, за тем, чтобы после шторма все канаты были высушены, ибо мокрые они «производят дурной, сырой воздух, от которого происходят опасные болезни». А когда штаб-лекарь Яков Берх доложил ему, что у двоих «служителей» оказались признаки цынготной болезни, Беллинсгаузен от себя «прописал» матросам дефицитный лимонный сок.

14 февраля экспедиция подошла снова близко к берегу, но из-за льдов пробиться к нему не могла. Гигантские ледяные острова преграждали путь на юг. Корабли повернули на север и шли переменными курсами. Приближался март, дальнейшее пребывание во льдах становилось очень опасным.

И действительно, 7 марта корабли были застигнуты штормом ураганной силы. Ветер бушевал, ударяясь о снасти, срывал гребни волн и нес по воздуху мелкую ледяную пыль.

«Шлюп, сильно колеблясь, клонился к поверхности моря, — писал Симонов, — и бортом иногда черпал воду. Мы не могли нести никаких парусов...»

Почти не управляемый «Восток» несло на крупный айсберг. Его оттолкнула от ледяного острова большая штормовая волна. После длительного тяжелого плавания корабли требовали срочного ремонта. Запасы топлива и продовольствия подходили к концу.

Мореплаватели решили идти в Порт-Джаксон (Австралия) и по пути исследовать малоизвестный участок Индийского океана. «Мирный» направился несколько севернее, имея дополнительной задачей отыскать Компанейский остров, обозначенный на английской карте Арроусмита.

Как потом выяснилось, остров оказался мифическим, и понятно, что русским морякам обнаружить его не удалось.

Через 19 дней со шлюпа «Восток» увидели землю. Это был остров Тасмания. Обогнув его, корабль направился к берегам Австралии.

29 марта 1820 года «Восток» вошел в Порт-Джаксон. Яркие краски берега радовали глаз. Массивы леса сбегали к самому заливу. Их сменяла нежная зелень долин,

отороченная у воды желтеющими каемками песчаных пляжей. Как все это было непохоже на хмурый горизонт, бесконечно вздымающиеся свинцовые волны, громады льда.

После 148-дневного плавания во льдах представилась наконец возможность отремонтировать судно и дать отдых команде. Офицеры и матросы немедленно принялись готовить шлюпы к новому походу. Больных свезли на берег, где они вскоре поправились.

Участники экспедиции близко познакомились с жизнью местного коренного населения в окрестностях Порт-Джаксона и своей доброжелательностью завоевали их расположение.

Австралийцы приглашали моряков в свои жилища, позировали художнику Михайлову, охотно дарили предметы своего домашнего обихода.

«...Природные жители Новой Голландии к образованию способны, — отмечает Беллинсгаузен, — невзирая, что многие европейцы в кабинетах своих вовсе лишили их всех способностей...

Беллинсгаузен возмущался произволом английских колонизаторов. Его симпатии на стороне австралийцев, ненавидевших и презиравших своих порабитителей.

Австралийцы сгонялись с лучших земель. Завезенная англичанами оспа нещадно косила жителей, о лечении которых никто и не думал: умершие валялись на дорогах и в пещерах.

Легко себе представить можно, — с горечью восклицает Беллинсгаузен, — что они равнодушно видели изгнание свое из собственных любимых ими мест... искра мщения тлеет в сердцах их».

6 апреля в Порт-Джаксон прибыл и шлюп «Мирный». Пока корабли ремонтировались, Беллинсгаузен приказал создать на берегу походную обсерваторию. Симонов установил там небольшой пассажный* инструмент, с помощью которого ежедневно определялся истинный полдень**. Хронометры того времени имели существенные погрешности, и это отражалось на точности астрономиче-

* Пассажный инструмент — прибор для определения времени прохождения небесного светила через меридиан наблюдателя, для вычисления поправки часов и географической широты места.

** Истинный полдень — момент прохождения солнца через меридиан наблюдателя.

ских определений. Офицеры экспедиции занимались пересчетом долгот.

«Сверх того, — пишет Симонов, — я воспользовался случаем определить прямые восхождения неподвижных звезд южного неба, что после Лакаля*, бывшего в Южном полушарии 50 лет перед сим, никем сделано не было».

О крупном вкладе Симонова в астрономическую науку писал впоследствии Беллинсгаузен:

«Ученые разберут и оценят похвальное астронома Симонова предприятие и труд на пользу астрономии».

8 мая корабли покинули Порт-Джаксон и направились в малоисследованные районы южной части Тихого океана, к берегам Новой Зеландии. Обогнуть острова с севера мешали противные ветры, и шлюпы взяли курс к проливу Кука.

Войдя в залив королевы Шарлотты (северный остров Новой Зеландии), корабли стали на якорь близ небольшого острова Мотуарб. Островитяне вначале боялись неизвестных пришельцев. Они хорошо помнили жестокость капитана Кука. Но русские моряки не были похожи на надменных британцев. Они подарили островитянам семена репы, брюквы, моркови, тыквы, бобов, гороха и других сельскохозяйственных культур и «...успели у жителей приобрести любовь и дружбу», — писал Беллинсгаузен.

Беллинсгаузен пригласил островитян на шлюп и устроил обедом. Пили островитяне мало. «Таковая трезвость их, — замечает Фаддей Фаддеевич, — служит доказательством весьма редкого посещения просвещенных европейцев, которые, где только поселятся, приучают жителей пить крепкие напитки, курить, за губу класть табак...»

Обследовав район Новой Зеландии, шлюпы направились дальше на восток. Нелегко было парусным суденышкам переносить суровый нрав океана, когда-то названного Тихим.

В один из дней штормовой северный ветер внезапно сменился полным штилем. Сразу переставшие слушаться руля шлюпы поставило бортом к крупной волне. Беллинсгаузен приказал поставить новые паруса, чтобы поймать слабое дуновение ветерка. Только этим можно было

* Лакаль — французский астроном.

спасти подозрительно трещавший рангоут. Качка была настолько сильной, что борт погрузился в воду, чугунные ядра от орудий выскочили из кранцев*.

Матросы, самоотверженно работая, четко выполняли приказания своего капитана.

Скоро паруса зашелкали, упруго выгнулись под напором ветра, за кормой забурлила вода, и «Восток» быстро понесся вперед в еще не изведанные районы Великого океана.

6 июля путешественники увидели небольшой коралловый остров, не обозначенный ни на одной карте. Остров этот имел внутри лагуну и был покрыт лесом и кустарником. Беллинсгаузен назвал его островом Моллера 2-го. На следующий день Беллинсгаузен и Лазарев вместе с офицерами отправились на шлюпках к острову, но местные жители никого не хотели пускать на берег и воинственно потрясали косями.

«Не желая употребить действие пороха на вред островитян, я предоставил времени познакомиться их с европейцами», — записал в своем дневнике начальник экспедиции.

Совсем иначе поступал англичанин Джемс Кук. Ближайший помощник И. Ф. Крузенштерна, старший офицер шлюпа «Надежда» М. И. Ратманов, побывав после Кука на островах Тихого океана, ужасался тому, что сделал английский мореплаватель.

«Он при открытии разных народов Южного океана стрелял, резал уши тем, которые его почти богом почитали и ни в чем ему не сопротивлялись».

Недалеко от острова Моллера 2-го экспедицией была обнаружена целая гряда небольших островов, главным образом кораллового происхождения. Все они получили наименование архипелага Россиян. Беллинсгаузен приступил к тщательному изучению островов. Он определил координаты каждого острова, размеры, высоту над уровнем моря и нанес на карту очертания берегов. В честь пребывания русской экспедиции островам были даны имена людей, судьбы которых тесно связаны с Россией. Так были увековечены имена известных русских моряков: Крузенштерна, Спиридова, Лазарева, Коцебу; русских

* Кранцы — специальные ящики или гнезда для хранения артиллерийских боеприпасов.

полководцев: Кутузова, Баркляя-де-Толли, Румянцева, Ермолова, Раевского и др.

Офицеры экспедиции занимались изучением растительного и животного мира островов.

«Лейтенант Торсон, художник Михайлов и прочие, — писал Беллинсгаузен, — побыв недолго на берегу, возвратились на шлюп. Они нарубили разных сучьев от растущих деревьев, которые все мягкой породы, наломали кораллов, набрали раковин и улиток, застрелили малого рода попугая, величиною с воробья, у которого перья прекрасного синего цвета, ноги и нос красные, совершенно подобные сафьяну...»

Астроном Симонов изучал почасовые изменения состояния атмосферы. Для этого 61 день он отмечал показания барометра, температуру воздуха и его влажность. Данные записывались им днем и ночью через каждый час. 4316 тщательных наблюдений в течение всего периода пребывания экспедиции в тропиках позволили Симонову сделать верный вывод о том, что давление воздуха колеблется два раза в сутки... «правильно следует за солнцем, в лучах коего, как в источнике теплоты, действующей на упругость воздуха, заключается причина сего явления». Симонов указывает и на практическое применение сделанного им научного вывода — для точного определения высоты гор при помощи барометра.

Основательное изучение архипелага Россиян позволило Беллинсгаузену сформулировать теорию происхождения коралловых островов. Суть ее заключается в том, что подводные скалы, поднятые близко к поверхности воды, постепенно надстраиваются колониями известковых моллюсков и коралловые образования состоят из многочисленных их «скелетов».

«Коралльные острова и мели тихо воздвигнуты малыми черепкожными в течение многих веков», — пишет Беллинсгаузен.

Изложенная им гипотеза предвосхитила на несколько десятков лет теорию Дарвина о происхождении коралловых островов, и только по вине царского правительства, надолго задержавшего опубликование трудов Беллинсгаузена, было забыто это важное достижение русской науки.

В конце июля шлюпы направились к острову Таити для проверки географических координат вновь открытых коралловых островов по точно известному положению

мыса Венеры на этом острове. Обратный путь лежал к берегам Австралии.

Недалеко от архипелага Фиджи Беллинсгаузен и Лазарев открыли два новых острова. Они были названы в честь участников экспедиции: художника Михайлова и астронома Симонова.

* *
*

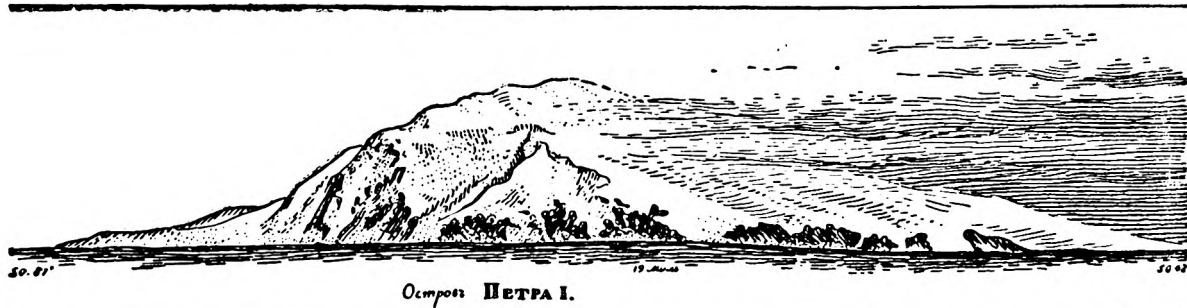
Приведя в порядок шлюпы и закупив провизию в порту Джаксон, 31 октября 1820 г. корабли снова отправились к югу для дальнейших исследований у берегов Антарктического материка. Шлюпы «Восток» и «Мирный» взяли курс на остров Маквари, расположенный в районе 54-й параллели. Наличие на острове морских слонов, поморника, пингвинов показывало, что наступают высокие южные широты. Корабли пополнили запасы пресной воды и продолжали путь, придерживаясь меридиана острова Маквари.

14 декабря 1820 года экспедиция снова встретила ледяные поля. Вечером мореплаватели достигли $67^{\circ}15'30''$ ю. ш., $161^{\circ}27'50''$ з. д. Леды вынудили повернуть на северо-восток, но исследователи все же не теряли надежды пробиться к югу. Охотясь, лейтенант Игнатьев убил пингвина весом более 1,5 пуда. В его желудке было найдено несколько мелких камешков. Откуда взялись они в этих местах? Значит, где-то близко находится суша. Как к ней пробраться сквозь льды? Все это еще больше придавало исследователю энергии и упорства в достижении цели.

Беллинсгаузен усилил наблюдение, чтобы во-время предупредить сближение с айсбергом в условиях малой видимости. Однажды ледяная гора, подточенная в основании водой, обрушилась от сотрясения воздуха, вызванного звуком холостого пушечного выстрела. Через несколько дней льдина серьезно повредила форштевень шлюпа «Восток».

7 января 1821 года корабли пересекли в пятый раз Южный полярный круг. Снова появились признаки близости земли: пингвины, буревестники, пеструшки, альбатросы и др.

10 января в 3 часа дня вахтенный матрос доложил, что видит чернеющее на горизонте пятно. С первого взгляда в подозрную трубу начальник экспедиции



Остров Маквари, остров Петра I, берег Александра I.

определил, что это скалы. Беллинсгаузен немедленно сообщил об этом на шлюп «Мирный» лейтенанту Лазареву. Скоро солнце вышло из-за облаков, и никто уже не сомневался в том, что виден берег.

— Берег! Берег! — радостно восклицали русские моряки, торжествуя заслуженную победу. Но «ныне обретенный нами берег подавал надежду, — писал Беллинсгаузен, — что непременно должны быть еще другие берега, ибо существование токмо одного в таком обширном водном пространстве нам казалось невозможным».

Корабли взяли курс к берегу, но наступившая темнота скрыла его в расстоянии 32 миль.

Утром погода прояснилась. Выглянуло солнце. Всем представился высокий берег, покрытый снегом, и только на самых крутых обрывах и мысах его виднелись черные пятна скал. В 14 милях встретился сплошной лед, препятствовавший дальнейшему продвижению. Беллинсгаузен очень жалел об этом. В 6 часов утра при приближении шлюпа «Мирный» были подняты флаги и на обоих шлюпах прокричали «ура». Координаты вновь обретенной земли оказались $68^{\circ}57'$ ю. ш., $90^{\circ}46'$ в. д.

«Я назвал сей остров, — писал Беллинсгаузен, — высоким именем виновника существования в Российской империи военного флота — остров Петра I».

Успех умножил силы и энергию как командира отряда, так и всех участников похода. Теперь нужно было исследовать район обнаруженной земли.

В 10 часов вечера с вышки на мачте заметили другой малый остров, но из доклада матроса Беллинсгаузен заключил, что это продолжение острова Петра I. Погода ухудшалась. Ветер крепчал. От увеличения хода шлюп «Восток» начал испытывать сильные удары в поврежденную носовую часть. Волны заливали бак. Корабль трещал, вода в трюмах прибавлялась. Но это не останавливало поиски. Чтобы шлюп не наскочил на плавающую льдину, была усилена вахта.

Корабли продолжали движение на юго-восток с целью пробиться ближе к берегу. Днем заметили необыкновенную перемену цвета поверхности моря, которая дала основание предполагать близость земли.

17 января видимость была хорошей и в 11 часов утра был обнаружен высокий гористый берег, мысом выступающий в море. Он был покрыт снегом, за исключением

скалистых выступов и круч. Беллинсгаузен назвал эту землю берегом Александра I.

«Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к югу исчезала за предел зрения нашего».

Через несколько лет О. Е. Коцебу, возглавлявший русскую экспедицию на шлюпе «Предприятие» (1823—1826 гг.), назвал водное пространство у берега Александра I морем Беллинсгаузена.

Ухудшение погоды вынудило Беллинсгаузена прекратить описание берегов. Корабли продвигались на северо-запад. 24 января 1821 года вахтенный офицер доложил: «виден берег повыше облаков!». Показались Южно-Шетландские острова. Милях в тридцати от берега был открыт новый необитаемый остров, названный Беллинсгаузенем в честь великого сражения — Бородино. В 10 часов вечера шлюпы обнаружили второй остров, получивший наименование Малый Ярославец в память победы, одержанной русскими войсками в 1812 г. у этого города. Затем ряд вновь открытых островов получил имена: Смоленск, Березина, Полоцк и др.

28 января в 7 часов утра на шлюпе «Восток» сквозь густой туман прямо перед собой увидели большой бурун. Морские волны разбивались о камни. Беллинсгаузен отдал команду повернуть на обратный курс, но ветер вдруг стих, и шлюп остановился в одной миле от мели. Большая зыбь сильно качала корабль. На якоря нельзя было положить, так как на каменном грунте пеньковые канаты могли скоро перетереться. «Восток» медленно дрейфовал на камни. Через час подул слабый ветер, и шлюп ушел от опасности.

Серьезное повреждение корабля не позволило больше пребывать в высоких южных широтах, и Беллинсгаузен решил возвращаться в Россию.

27 февраля 1821 года корабли прибыли в гавань Рио-де-Жанейро. Они нуждались в серьезном ремонте. И это задерживало сроки возвращения на родину.

Только через два месяца шлюпы «Восток» и «Мирный» были подготовлены для дальнейшего плавания. 23 апреля 1821 г. они направились в Атлантический океан, взяв курс на Лиссабон. После тяжелых ледовых условий Антарктики этот переход казался морякам легким и безопасным.

Через четыре дня перед мореплавателями предстала поверхность океана, на тысячу миль покрытая зарослями морской травы. Впереди расстилалось Саргассово море, которое в 1492 году своим необычным видом навело суевный страх на спутников Колумба.

С тех пор догадки о происхождении этого необычайного явления в океане не переставали волновать умы многих исследователей. Немецкий географ Гумбольдт считал, что трава эта растет на дне океана и отрывается от дна морскими животными; другие утверждали, что она приносится сюда течением из Мексиканского залива.

Ф. Ф. Беллинсгаузен занялся решением вопроса о происхождении водорослей Саргассова моря. Он тщательно изучал водоросли, измерял глубину океана, сопоставлял различные данные. На основании личных наблюдений Беллинсгаузен пришел к выводу, что существующие гипотезы ошибочны. В море на глубине 300 сажен «невероятно, чтоб моллюски и рыбы отделяли непрерывно, в течение нескольких столетий на одном и том же месте такое множество травы...»

Беллинсгаузен выдвинул смелое предположение, что морская вода в силу физико-химических особенностей ее в данном месте благоприятствует росту плавающих водорослей на поверхности океана, что в дальнейшем полностью подтвердилось.

«Не находя у самых свежих кустов ни малейшего признака отломка корневого стебля, я заключаю,— писал он,— что трава сия, вероятно, может произрастать на поверхности моря, не имея сообщения со дном морским, и что воды океана в сем месте имеют свойства питать траву, которая составляет звено в общей цепи перехода из постоянно растущей в плавающую растущую траву».

После кратковременной остановки в Португалии экспедиция направилась дальше, и, наконец, 24 июля 1821 г. на горизонте показались родные берега. В 6 часов утра шлюпы «Восток» и «Мирный», отсалютовав крепости Кронштадт, стали на якорь. «Презрев все опасности,— говорил Иван Михайлович Симонов,— прошед места непроходимыя и с успехом окончив возложенное на нас дело, возвратились мы в свое отечество, распространив круг человеческих знаний многими открытиями».

Путешествие длилось 751 день. В общей сложности шлюпы прошли 49 860 морских миль, что в 2¹/₂ раза превышает длину экватора.

Радостно встречали кронштадтцы героев, впервые в мире совершивших беспремерный переход и открывших шестую часть света — Антарктиду.

* *
*

Открытие Антарктиды сыграло величайшую роль в истории мировой науки. Русскими мореплавателями была решена древняя загадка о Южной земле. За время путешествия было открыто 29 островов, из них два в Антарктике и восемь в южном умеренном поясе. Географические координаты их оказались определенными настолько точно, что ими пользуются и в наши дни.

Французский исследователь д-р Шарко, посетивший Антарктику в 1903 году, писал: «В тумане и мгле мы легко нашли остров Петра I, потому что он на карте назначен Беллинсгаузенем именно там, где он находится».

И это было выполнено мореплавателем в конце 62-дневного полярного плавания при наличии несовершенных хронометров.

Описания островов и карты, составленные Беллинсгаузенем и Лазаревым, являются ценным вкладом в географию и картографию.

Зарисовки художника Михайлова используются и сейчас в лониях всех стран мира. Научная работа выполнялась в той или иной степени всеми участниками экспедиции. Это отмечает в своем интересном дневнике матрос шлюпа «Восток» Егор Киселев:

«Опускали в воду градусы за 300 сажен для пробы холоду» и еще: «спускали в воду тарелку для узнания светлой воды. Было видно тарелку за 14 сажен».

Беллинсгаузен и Лазарев систематическими наблюдениями за состоянием атмосферы и морской воды обогатили новыми и интересными сведениями тогда еще только зарождающиеся науки — метеорологию и океанографию. Участниками экспедиции были собраны большие этнографические, зоологические и ботанические коллекции.

Заслуживают пристального внимания научные выводы Беллинсгаузена, основанные на результатах его исследований. Задолго до Дарвина он создал научную теорию образования коралловых островов, правильно объяснил происхождение водорослей в Саргассовом море.

Во время двухлетнего пребывания в южных полярных широтах, наблюдая множество льдин различных видов и форм, Беллинсгаузен объяснил процесс образования льдов, ввел их научную классификацию, с которой, в основном, согласна и современная наука.

Успех длительного и трудного плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» во многом зависел от того, что их командиры Беллинсгаузен и Лазарев применяли прогрессивную в то время систему воспитания и обучения экипажей, основанную на глубоком уважении человеческого достоинства рядовых матросов, игравших важную роль в достижении цели экспедиции. Русские матросы того времени набирались из крепостных крестьян, которых помещики угнетали и не считали за людей.

На шлюпах русской антарктической экспедиции, Лазарев и Беллинсгаузен отечески заботились о нуждах подчиненных, поощряли их за прилежность и старание при выполнении порученного дела. И русские матросы показывали во время плавания изумительную отвагу, необыкновенную выносливость, невиданную расторопность и находчивость. Так же, как и их соотечественники под водительством Ушакова не щадили своей жизни в морских баталиях, участники экспедиции в борьбе со стихийными силами природы в Антарктике действовали отважно и самоотверженно.

Дальнее плавание было поучительным и для руководителей экспедиции. Они видели, на что способен русский матрос, если его ценят, о нем заботятся. Беллинсгаузен и Лазарев, командуя после возвращения из Антарктики боевыми кораблями, применяли выработанные ими во время плавания новые методы воспитания и обучения, достигая небывалых успехов в боевой подготовке. Став впоследствии командующим Черноморским флотом, Лазарев искоренил тупую муштру на кораблях, проводниками которой были иностранцы на русской службе и русские офицеры, раболепствовавшие перед чужеземцами. Таким образом, антарктическая экспедиция, так же как и другие кругосветные плавания, способствовала форми-

рованию передового взгляда на матросов как на решающую силу флота.

«Успехи сих экспедиций тем более должны быть для вас приятны, соотечественники, что все офицеры и чиновники, их составляющие, были русские», — писал впоследствии И. М. Симонов.



В 1824 году Ф. Ф. Беллинсгаузен после обработки вахтенных журналов, своих личных записей и других материалов экспедиции представил Адмиралтейскому департаменту описание своего путешествия с картами и рисунками.

17 марта 1825 года департамент ходатайствовал перед царем об издании 1 200 экземпляров описания путешествия, однако ходатайство было оставлено без внимания.

В 1827 году Беллинсгаузен вновь обратился с просьбой в Ученый комитет Главного морского штаба издать хотя бы 600 экземпляров, указав при этом, что средства от издания его не интересуют. Председатель Ученого комитета Л. И. Голенищев-Кутузов направил эту просьбу Николаю I. При этом он написал:

«...Может случиться, и едва ли уже не случилось, что учиненные капитаном Беллинсгаузеном обретения по неизвестности об оных послужат к чести иностранных, а не наших мореплавателей».

Но царь, угнетавший все передовое и прогрессивное, жестоко расправившийся с декабристами, был равнодушен к замечательному труду морского офицера, повествующему о мужестве русских людей, о славе русской науки.

Один из помощников Беллинсгаузена, офицер Константин Петрович Торсон, за участие в восстании 14 декабря 1825 года был сослан на каторгу в Сибирь, а остров его имени переименован в Высокий.

Первое издание книги Беллинсгаузена вышло только в 1831 году, через 10 лет после окончания путешествия.

Так отнеслось царское правительство к русским открытиям мирового значения. По его вине не было своевременно объявлено о вновь «обретенных» землях, и плоды нечеловеческих усилий во время трехлетнего плавания в

Антарктику пожинали всякого рода авантюристы. Русские имена, данные Беллинсгаузенем открытым экспедицией островам, были изъяты с карты и заменены английскими географами на иностранные. Высокомерные британцы не имели благородства и такта Беллинсгаузена, который сохранил английские наименования на исследованных им Южных Сандвичевых островах.

Беллинсгаузен получил мировую известность как ученый, географ и мореплаватель. Одним из первых в 1845 году он был избран в действительные члены Русского Географического общества. Всю свою дальнейшую жизнь этот замечательный человек посвятил флоту, деятельно участвуя в укреплении военно-морских сил России. В 1825 году, наряду с виднейшими и прославленными деятелями русского флота, вице-адмиралами Сенявиным, Пустошкиным, контр-адмиралом Рожновым, капитан-командорами Крузенштерном и Ратмановым, Беллинсгаузен вошел во вновь созданный «Комитет образования флота». Перед Комитетом стояла большая задача — наметить пути и средства для восстановления военно-морской мощи российского флота. Преодолевая сопротивление реакционеров из Морского ведомства, Комитет решительно боролся с казнокрадством, процветавшим во флоте. По его инициативе на кораблях были введены бомбические орудия, обладавшие большой разрушительной силой. Серьезное внимание уделялось постройке паровых кораблей. К 1827 году в составе Черноморского флота было уже несколько пароходов.

В 1826 году Ф. Ф. Беллинсгаузен был произведен в контр-адмиралы. Тогда он командовал отрядом судов гвардейского экипажа, находившимся в плавании в Средиземном море. А через год, летом 1827 года, со свойственным ему мужеством и хладнокровием он повел матросов-гвардейцев на штурм турецкой крепости Варна.

После окончания русско-турецкой войны в сентябре 1829 года Беллинсгаузен проводит еще год на Черном море.

6 декабря 1830 года он получает чин вице-адмирала и назначается командующим 2-й флотской дивизией Балтийского флота. Так начинается его многолетний плодотворный труд по воспитанию кадров для русского флота. Беллинсгаузен старательно занимается обучением офицеров и матросов морской практике и меткому артиллерий-

скому огню; одновременно проводит и научную работу в области артиллерии, которая завершилась в 1839 году изданием труда «О прицеливании артиллерийских орудий на море». В том же году Фаддей Фаддеевич назначается главным командиром Кронштадтского порта и кронштадтским военным губернатором.

Крейсируя в узкостях Финского залива с флотом, доходящим до 40 кораблей, он придавал большое значение совместному плаванию кораблей и тщательно обучал подчиненных ему командиров маневрированию и эволюциям*.

Шведский адмирал Норденшельд, присутствовавший на маневрах в 1846 г., воскликнул:

«Я держу пари с кем угодно, что этих эволюций не сделает ни единый флот в Европе!»

Много внимания Фаддей Фаддеевич уделял и такой науке, как корабельная архитектура. Корабли, строившиеся под его наблюдением, всегда отличались красивыми обводами корпуса и хорошими мореходными качествами. В 1848 году он был назначен почетным членом Морского ученого комитета.

Адмирал Беллинсгаузен развернул большие работы по строительству гаваней, пристаней, портов, доков и других сооружений Балтийского флота, основал известную кронштадтскую морскую библиотеку. Он пользовался огромным авторитетом и любовью среди моряков-балтийцев благодаря своей гуманности, повседневной заботе о матросах. По его ходатайству экипажи кораблей стали получать увеличенный мясной паек, на берегу для матросов были построены удобные светлые казармы.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен умер 25 января 1852 года. В его записке, найденной после его смерти на рабочем столе, говорилось: «Кронштадт надо обсадить такими деревьями, которые цвели бы прежде, чем флот пойдет в море, дабы на долю матроса досталась частица летнего древесного запаха». В Кронштадте в 1870 году адмиралу был сооружен памятник. Беллинсгаузен изображен во весь рост, опирающимся на глобус.

Русский морской офицер и ученый, гуманист и пламенный патриот своей Родины, он всю свою большую

* Эволюция — маневр, изменение курса, перестроение, одновременно проводимое всеми кораблями соединения.

жизнь, знания, опыт и талант посвятил отечественной науке, укреплению могущества России на морях.

Советский народ никогда не забудет самоотверженных мореплавателей, совершивших поистине выдающийся подвиг.

«Радостно сознавать, — писала в 1948 году газета «Правда», — что эти замечательные представители русского народа, бороздившие моря и океаны, побывавшие в самых глухих и отдаленных местах земли, шли туда не для разбоя и наживы, а ради науки...» *

Замечательное научное наследство Беллинсгаузена и Лазарева с благодарностью воспринято советскими моряками, которые оценили его и во много раз умножили достижения наших славных предков.

Капитан-директор китобойной флотилии «Слава» Герой Социалистического Труда А. Н. Соляник, отмечая заслуги первой русской антарктической экспедиции, писал:

«Мы, советские моряки сталинской эпохи, салютовали доблестным своим предкам, отважным морякам экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. Как никто другой, мы оцениваем их отвагу, бесстрашие, мастерство, которые позволили им, плавая на деревянных парусных шлюпах в тяжелых льдах, в непогоду, с риском для жизни сделать великие географические открытия, обеспечить славу своей родине, славу открытия антарктического материка».

* * *

В 1938 году на Международном географическом конгрессе в Амстердаме представитель США Лауренс Мартин заявил, что за 80 дней до капитана Беллинсгаузена Антарктиду (северо-восточный берег Земли Грейама) якобы открыл некий американский промышленник Натаниел Браун Палмер, о чем им была сделана запись в вахтенном журнале шхуны «Герой» 18 ноября 1820 года. Зачем же понадобилось американцам более чем через 100 лет «опровергать» факт открытия Антарктиды русской экспедицией Беллинсгаузена — Лазарева, факт, безоговорочно признанный учеными всего мира?

* «Правда» от 21 марта 1948 года. «Труды и слава русских путешественников», Библиография.

25 января 1821 года, исследуя район Южных Шетландских островов, русская антарктическая экспедиция действительно повстречала этого американца. Палмер хвастался тысячами шкур котиков, которыми был набит трюм его шхуны и ни одним словом не обмолвился об открытии им какой-либо земли. В судовом журнале, вопреки заявлению американских «историков», он также не оставил никакой записи, хотя бы отдаленно похожей на свидетельство об обнаружении материка.

Таким образом, здесь, как и во множестве других подобных случаев, американцы извратили истину. Эта ложь нужна американским претендентам на мировое господство для того, чтобы оправдать перед народами мира свои экспансионистские устремления.

Владимир Ильич Ленин еще в 1916 году указывал, что «...финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподделенного мира или за передел кусков, уже разделенных» *. Одной из иллюстраций этому ленинскому положению может служить захватническая политика, проводимая правительством Соединенных Штатов Америки.

В 1928—1930 гг. американский адмирал Р. Бэрд основал авиационную базу Литл-Америка близ залива Китов в Антарктиде и начал исследование материка. В 1933—1935 гг. он повторил работу в более широком масштабе, сохраняя видимость научной экспедиции. Маска была сброшена в 1941 году, когда Бэрд начал проводить испытательные полеты авиации при 46° и рейсы танков при 57° мороза.

Четвертая экспедиция адмирала Р. Бэрда 1946—1947 гг. состояла из 13 военных кораблей. В ней участвовали эскадренные миноносцы, подводные лодки, ледоколы, танкеры, транспорты и даже авианосец с разведывательной авиацией дальнего действия, тяжелыми грузовыми самолетами, вертолетами и лодками-амфибиями. В Америке вокруг этих экспедиций каждый раз поднималась невероятная газетная шумиха.

«Этот материк, возможно, окажется гигантской шка-

* В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, изд. четвертое, стр. 249.

тулкой сокровищ», — захлебываясь, писал журнал «Сатердей Ивнинг Пост» в декабре 1947 года. «В недрах Антарктиды обнаружены уголь, золото, серебро, свинец, железо и главное... уран»...—сенсационно объявляли другие.

Известно, что Антарктида удалена от обитаемых частей света на большие расстояния и имеет очень суровый климат. В водах окружающих ее морей производится 90% мировой добычи китов. Но через Антарктиду можно проложить авиационные пути между континентами. И не для океанографических наблюдений понадобились аполлету пресловутой «полярной стратегии» адмиралу Бэрду эсминцы и военные самолеты.

«Людей, которые водили суда и самолеты или проводили какие-либо военные операции в Южном полярном круге, уже ничто не сможет смутить на крайнем Севере» *, — откровенничает Бэрд — поджигатель войны под маской антарктического «исследователя».

Одновременно без участия Советского Союза идет обсуждение «прав» на тот или иной участок Антарктиды. Уже имеется ряд односторонних английских, норвежских, чилийских и пр. актов о разделе территории Южного материка.

Основную роль в попытках завладения Антарктидой играют Соединенные Штаты Америки. В августе 1948 года Государственный департамент США объявил, что им начаты переговоры с рядом капиталистических государств о возможности установления «формы интернационализации Антарктиды».

Основываясь на приоритете открытия русскими морями Антарктического материка, Советское правительство в меморандуме от 7 июня 1950 г. дало суровую отповедь империалистам.

Советское правительство заявило, что оно «не может признаг законным любое решение о режиме Антарктики, принятое без его участия» **.

Вот для чего понадобилось буржуазным ученым и продажной прессе капиталистических стран замалчивать

* Цитируется по брошюре К. Осипова «Как русские люди открыли Антарктиду», М., 1950, стр. 58.

** «Правда» от 10 июня 1950 г., «Меморандум Советского правительства по вопросу о режиме Антарктики».

и искажать результаты работ русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева, вытаскивать из небытия рядового американского хищника Палмера и приписывать ему «научную деятельность».

25 января 1952 года советская общественность отмечает столетнюю годовщину со дня смерти выдающегося русского исследователя Ф. Ф. Беллинсгаузена.

Народы нашей Родины глубоко чтят светлую память первооткрывателя Антарктиды Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и никому не позволят присваивать честь одного из величайших завоеваний прогрессивной русской науки.



Редактор *В. А. Бояркина*
Технический редактор *И. Н. Ривина*

Т-00335. Сдано в производство 10/XI-51 г. Подписано к печати 18/I-52 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Тираж 50.000. Бумажных листов 0,625. Печатных листов 2,05. Издательских листов 1,9.
Цена 60 к. Заказ 758.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Имеется в продаже:

Манизер Г. Г. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828). 180 стр., 6 р. 90 к.

Мухин А. С., Гусев В. Ф. Фанские горы. 152 стр., 2 р. 50 к.

Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кун-лунь. 328 стр., 13 р. 75 к.

Побежденные вершины. Год 1948. Ежегодник советского альпинизма. 468 стр., 15 р. 35 к.

Побежденные вершины. Год 1949. 536 стр., 13 р. 50 к.

Побежденные вершины. Год 1950. 487 стр., 13 р. 50 к.

Потанин Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. 439 стр., 19 р. 75 к.

Роборовский В. И. Путешествие в Восточный Тянь-шань и в Нань-шань. 492 стр., 19 руб.

Рязанцев С. Н. Киргизия. 250 стр., 7 р. 40 к.

Рязанцев С. Н. Фрунзе. 48 стр., 90 к.

Сапожников В. В. По Алтаю. 576 стр., 22 р. 70 к.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-шань в 1856—1857 гг. 380 стр., 12 руб.

Справочник путешественника и краеведа, т. I. Под ред. лауреата Сталинской премии С. В. Обручева, 808 стр., 23 руб.

Справочник путешественника и краеведа, т. II. 664 стр., 21 руб.

Тахаев Х. Я. Башкирия. 328 стр., 6 р. 50 к.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу: Москва, Орликов пер.,
дом 3, Географгиз.*

5
60 коп.